

СибБиблиотека

ОГРАБЛЕНИЯ

которые

Потрясли мир

Захватывающие истории
о выдающихся криминальных талантах

Александр Соловьев
Валерия Георгиевна Башкирова
Ограбления, которые
потрясли мир

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=283102

Ограбления, которые потрясли мир: Коммерсантъ, Эксмо; Москва;

2010

ISBN 978-5-699-36286-8

Аннотация

Эта книга – о «выдающихся» ворах и грабителях. О тех, кто прославил свое имя на крови либо благодаря хитроумным комбинациям и отчаянной наглости. Для них мало значила человеческая жизнь, на первом месте стоял азарт и жажда наживы. Как они становились преступниками и как их ловили? Что привело их к воровству и к чему привело воровство? Как наказывает грабителей суд человеческий и как карает их суд Божий?.. Станьте соучастником захватывающих авантур, где сплелось все: воровская любовь и любовь к воровству; страшное, смешное, глупое и грустное; преступление и наказание...

Содержание

О чем эта книга?	5
О ком эта книга?	7
Вместо предисловия	9
Состав преступления	9
Корень зла	11
Кривая логика	12
Свое или чужое?	15
Старая обезьяна в осеннем лесу	17
Серебряные подсвечники епископа	19
Часть 1	21
Кто вы, мистер Гуд?	23
Робин с луком	23
Гуд без лука	25
Голубой мазохист	27
Конец феодальной демократии	28
Революция по закону	29
Диссидент	30
Дикий, дикий Юг	32
Война с гражданскими	33
Учитель-убийца	34
Славное дело	36
Несчастливый конец	38
Герой Гражданской	42

Партизан

42

Конец ознакомительного фрагмента.

44

Ограбления, которые потрясли мир

Но ведь я из чего исхожу? Я исхожу из того, что уголовные элементы меня не читают. Ну, а если вдруг прочтет кто-нибудь из них по ошибке, то он в процессе чтения обязательно исправится [...] Такова нравственная сила нашей литературы, иначе, как говорится, и быть не может.

Фазиль Искандер

О чем эта книга?

Эта книга – о крупнейших мировых ограблениях и кражах.

О том, кто, как и у кого отбирает честно (или нечестно) нажитое имущество.

Об «индивидуальной воровской деятельности», о шайках разбойников и бандах грабителей, о казнокрадстве и грабеже в масштабах государства.

О воровской любви и любви к воровству.

Об ограблениях и кражах раскрытых и нераскрытых, «удачных» и неудачных.

О страшном, смешном, глупом и грустном.

О том, как становятся преступниками, и о том, как их ло-

ВЯТ.

О том, что приводит к воровству, и о том, к чему приводит воровство.

О том, как наказывает воров и грабителей суд человеческий, и о том, как карает их суд Божий.

О преступлении и наказании.

О ком эта книга?

Эта книга – о «выдающихся» ворах и грабителях.

«О ворах-„артистах“», криминальных авторитетах и ворах-неудачниках.

О несчастных людях, берущих то, что им не принадлежит, и теряющих себя.

В книге пять частей.

В первой части («Романтики с большой дороги») рассказывается о легендарных, якобы «благородных» разбойниках, которые на поверку оказываются просто разбойниками, причем разбойниками лютыми. Эти люди творили зверства, прикрываясь высокой идеей, а на самом деле занимались тем же самым, что и обычные, «неблагородные» воры, – присваивали то, что им не принадлежит, грабили людей. От простой кражи грабеж отличается тем, что при этом обычно проливается кровь.

Во второй части («„Артисты“ и „авторитеты“») речь идет о преступниках-«новаторах», «артистах» своего (черного) дела, ставших родоначальниками новых направлений криминала (организованная преступность, хакерство и т. д.) или «авторитетами» в своей области (в обычном и криминальном смысле этого слова).

В третьей части («Полицейские и воры») собраны истории о тех, кто ловит воров по долгу службы или за деньги,

об ограблениях раскрытых и нераскрытых, и о том, почему поймать вора иногда так трудно.

Четвертая часть («На высшем уровне») – о том, как воруют люди, приближенные к власти, и о том, как государство грабит народ. Казнокрадство, экспроприация и национализация – эти формы «отъема денег у населения», причем вполне законного, испокон веков использовались государством и нечестными правителями для пополнения казны или собственного кармана. Используются они и по сей день.

В пятой части («Дуракам закон не писан») речь идет о самых неудачных, смешных и глупых ограблениях и кражах и о том, как и почему попадают вора и грабители.

В заключении героям этой книги предоставляется «последнее слово». Речь пойдет о «тюремной прозе» и о том, что думают и пишут о себе воры, когда у тех из них, кто не был убит сообщниками или полицейскими при аресте, появляется время для творчества – обычно в тюремной камере.

Вместо предисловия Кошелек или жизнь?

Состав преступления

*Не укради.
Восьмая заповедь*

Украсть можно все. Ну, или почти все.

Кусок хлеба. Бутылку водки. Кошелек.

Золото. Бриллианты. Произведения искусства.

Саблю. Коня. Пистолет. Автомобиль.

Паспорт. Идею. Изобретение. Даже доброе имя.

Можно украсть целый завод или расхитить пресловутую «социалистическую собственность».

Рубль. Доллар. Миллионы и даже миллиарды долларов.

Можно украсть тайно и явно; в одиночку и коллективно (бандой или шайкой). Можно украсть, используя ловкость рук и мозги или дубину, кастет и пистолет.

Можно сделать это в темном переулке, на большой дороге, в лесу, в городе, под покровом ночи и среди бела дня.

Можно тайно наведаться в чужой дом или карман. Можно обобрать запоздалого прохожего, напасть на купеческий

караван, ограбить поезд, взломать банковский сейф или систему безопасности банка.

Можно обобрать, ограбить, свистнуть, слямзить, спереть, стащить, стырить...

Иными словами, взять то, что тебе не принадлежит.

Корень зла

Вор чтит собственность. Он присваивает ее, чтобы чтить еще больше.

Г.К. Честертон

Но, строго говоря, украсть можно не все, а только то, что тебе не принадлежит, а принадлежит кому-то, то есть чужую собственность.

Право собственности – это целый комплекс (до двух десятков) прав, включая право пользования (узуфрукт), право купли-продажи, право наследования, дарения и даже уничтожения. Хотя существует и так называемое абсолютное право собственности, на практике оно редко реализуется во всей полноте – например, владельца земли могут наказать за ее загрязнение, а хозяина такого «движимого имущества», как кошка или собака, – за жестокое обращение с животным.

Любая кража – нарушение права собственности. Нет собственности – нет кражи. Воровство имеет социальные корни, ведь собственность – общественный институт.

Считается, что общество порождает не только собственность и, следовательно, возможность воровства и разбоя, но и причины воровства. Традиционно одной из таких причин считалось несправедливое распределение доходов, бедность, нищета. Ведь сытый не будет красть кусок хлеба.

Или будет?

Кривая логика

Подобно тому, как у Гамлета бесконечная рефлексия вытесняет и отодвигает решительные действия, есть противоположный тип сознания, когда готовность к действию вытесняет и отодвигает рефлексию.

Такой тип сознания я бы назвал уголовным типом сознания.

Фазиль Искандер

Далеко не все воры крадут от голода и нищеты. Ради куска хлеба крадут, скорее, не закоренелые преступники, а просто несчастные, оступившиеся, попавшие в беду люди. Общество создает только *возможность* воровства, но *причины* его лежат гораздо глубже.

Люди воровали всегда.

Первое преступление первого человека было кражей. Оно совершилось еще тогда, когда все «общество» состояло из двух человек – Адама и Евы. Криминальная история человечества началась с кражи запретного плода в райском саду, и корни воровства переплетаются с корнями дерева познания.

Как и все последующие преступления, кража запретного плода прикрывалась множеством «уважительных причин»: желанием справедливости, жаждой познания, наконец, «криминальным окружением» (в лице змия). И, как и все последующие преступления, первая кража была связана

с другими грехами: ложью, тщеславием, жадной обладания (сребролюбием).

Адам и Ева были изгнаны из рая. С тех пор в любое время и в любой стране воровство сурово каралось. Преступникам отрубали руки, их сажали в тюрьмы, ссылали на каторгу. Но прошли века, а воры как были, так и есть.

Почему люди воруют, зная, что делать этого нельзя, что воровство рано или поздно повлечет за собой наказание – если не от людей, то от Бога? Ведь взять чужое – значит не только преступить человеческие законы, но и нарушить восьмую заповедь.

Потому что *желать чужого* – в природе человека. Желание *обладать* – в природе человека. И *нежелание* думать о последствиях – тоже в природе человека.

Те, кто слепо следует этому «зову природы», становятся ворами.

Люди с криминальным сознанием населяют мир, существующий параллельно миру законопослушных и честных людей. Воровской мир.

В разные эпохи и в разных странах население этого параллельного мира (разбойники и воры всех мастей наряду с убийцами и другими преступниками) образовывало более или менее замкнутые сообщества с особым языком (арго во Франции, феня в России и т. д.), подобием культуры, моралью и обычаями. Эти сообщества имели собственную систему управления, «королей» и «воров в законе». Население па-

раллельного мира противопоставляло себя остальным гражданам. Трудиться, чтобы зарабатывать деньги, считалось позорным.

Но жители замкнутых криминальных сообществ воровали и воруют, в общем-то, по мелочи, и редко вылезают из нищеты. За пределами криминального сообщества их никто не знает. Другое дело – личности неординарные, прославившиеся либо жестокостью, либо масштабами кражи. Эти, как правило, не обязательно принадлежат к воровскому сообществу и обычно либо просто живут среди честных людей, либо «врастают» в государство (коррупция и организованная преступность).

И мелких воришек, и «тузов» криминала объединяет одно: особая кривая логика, криминальное сознание.

Они считают, что *можно* отобрать у человека кошелек, а если понадобится, то и жизнь.

Свое или чужое?

Чего не клал, того не бери.

Солон

Жажда обладания столь сильная, что ради ее утоления человек готов отнять у ближнего не только имущество, но и самую жизнь, становится причиной разбоя.

В каком-то смысле разбой – явление более сложное, чем простое воровство.

Собственность – институт общественный, а значит, и исторический. То, что сегодня принадлежит одним, когда-то принадлежало другим или не принадлежало никому. В сущности, история человечества – это история передела (перераспределения) собственности.

В результате темной, запутанной и часто лишенной логики последовательности событий, называемой историческим процессом, отношения собственности усложняются настолько, что найти самого первого, «законного» или «истинного» правообладателя иногда бывает так же трудно, как, например, очертить «исторические границы» современных государств (которые часто населяют совсем не те народы, которые их когда-то создавали или завоевывали).

Если трудно понять, где свое, а где чужое, борьбу за собственность (чужую) легко выдать за акт справедливости. Хо-

рошая маскировка: одно дело – просто оттяпать чужую землю, и совсем другое – вернуть то, что принадлежит тебе «по праву». Одно дело – грабить богатых (а кого же еще? не бедных же), и совсем другое – грабить, чтобы раздавать награбленное беднякам.

Передел собственности в масштабах государства (революции, перевороты, войны, приватизация, национализация и т. д.), как правило, выдается за акт справедливости или экономической необходимости. Но в реальной жизни экспроприация мало чем отличается от обычного грабежа, а «экс» – от ограбления банка. Грань между «революционной активностью масс», охваченных жадой социальной справедливости, и вульгарным бандитизмом чрезвычайно тонка. Отсюда романтизация «большой дороги» и революционная романтика, Робин Гуд, Стенька Разин, Дубровский и Котовский, «грабь награбленное» и «экспроприация экспроприаторов»... Шервудский лес, Дикий Запад, Чикаго и бессарабские степи.

Но воровство остается воровством, а разбой – разбоем, то есть «мирным» (тайным) или насильственным (открытым) присвоением того, что *сегодня*, здесь и сейчас тебе не принадлежит.

Старая обезьяна в осеннем лесу

– Много я знавал людей, которые начинали, как вы, благородными разбойниками, веселыми грабителями бо гатых и кончали в мерзости и грязи [...] Я знаю, у вас за спиной вольный лес, и он очень заманчив, Фламбо. Я знаю, что в одно мгновение вы можете исчезнуть там, как обезьяна. Но когда-нибудь вы станете старой седой обезьяной, Фламбо. Вы будете сидеть в вашем вольном лесу, и на душе у вас будет холод, и смерть ваша будет близко, и верхушки деревьев будут совсем голыми.
Г. К. Честертон. «Летучие звезды»

Воровство – ремесло преступное, но легким его не назовешь. Как любое ремесло, его можно довести до совершенства, сделав почти искусством. И прожить жизнь, полную захватывающих приключений, погонь, перестрелок, арестов и побегов из тюрьмы.

О таких «героях» слагают легенды, пишут романы, снимают фильмы.

И правда: если бы Робин Гуд пожалел шерифа Ноттингемского, разве о нем сложили бы баллады? Если бы Сонька Золотая Ручка прожила честную, добропорядочную жизнь, кто бы о ней знал? Если бы Владимир Левин не ограбил Citibank, разве не был бы он одним из многих никому не известных «компьютерных гениев»?

Знаменитый вор Ронни Биггс, «финансовая акула» Бернард Мэдофф, бандитская королева Фулан Деви – неординарные личности. Криминальные таланты. Люди любят читать книги и смотреть фильмы про талантливых людей, даже если талант был использован во зло.

Но в книгах и фильмах о «преступлениях века» не всегда рассказывается о том, чем кончают эти «таланты».

А кончают они плохо.

Мало кто из героев этой книги умер своей смертью. И чем тяжелее были их преступления, тем страшнее была смерть.

Робину Гуду помогли умереть, оставив его истекать кровью. Бонни и Клайд жили не очень долго и вряд ли счастливо и умерли (были застрелены) в один день. Сонька Золотая Ручка сгинула на каторге. Кто-то был убит поделниками, кто-то – полицейскими. Кто-то просто долго-долго сидел в тюрьме.

Взяв чужой кошелек, они отдали за него собственную жизнь.

Серебряные подсвечники епископа

– Это правда, что меня отпускают? – произнес он почти невнятно, словно во сне.

– Ну да, отпускают, не слышишь, что ли? – ответил один из жандармов.

– Друг мой! – сказал епископ. – Не забудьте перед уходом захватить ваши подсвечники. Вот они.

Он подошел к камину, взял подсвечники и протянул их Жану Вальжану.

В. Гюго. «Отверженные»

Воры и разбойники так или иначе не остаются без наказания. Но ведь в каком-то смысле наказанными иногда оказываются и те, у кого украли. Может быть, потому, что вовремя не поделились добром с ближним?

«Мизерабль» Жан Вальжан совершил страшное преступление – ограбил старенького епископа, давшему ему кров. Вора задержали. И не миновать бы ему нового срока, если бы не вмешался «пострадавший». Епископ сказал жандармам, что сам отдал каторжнику украденное. И в доказательство подарил тому еще и серебряные подсвечники. А заодно и мир в душе. И Жан Вальжан больше никогда не крал.

Епископ Диньский был святой человек. Он знал, как трудно противостоять греху. И еще он знал, что Господь велел делиться с ближним и не осуждать его.

Разумеется, и авторы, и читатели этой книги – кристально

честные люди.

Но... Разве никому из нас ни разу не случилось «зачитать» чужую книгу? Или «украсть» чужое время – пустой болтовней, несобранностью, ленью? А ведь святые отцы учили, что даже стручка с земли поднимать нельзя – не тобой положено и не для тебя.

«От сумы да от тюрьмы не зарекайся» – гласит русская пословица, и смысл ее еще и в том, что соблазн может настичь любого. В тюрьму можно угодить случайно, но можно ведь и вполне заслуженно: оступившись, заблудившись, преступив закон. «Сколько по тюрьмам и острогам сидит людей, сделавшихся преступниками случайно, и сколько ходит по улицам на свободе с гордо поднятой головой „честных“ людей, честных только потому, что им не представился ни разу случай искушения!» – писал русский сыщик И.Д. Путилин.

Счастливы те, кто не столкнулся с искушением, и вдвойне – те, кто сумел ему противостоять.

Много ли таких?

Валерия Башкирова

Часть 1

Романтики с большой дороги

*– Украл, выпил – в тюрьму. Украл, выпил – в
тюрьму. Романтика...*

Кинофильм «Джентльмены удачи», 1971.

В роли Евгения Ивановича – Е. Леонов

Почему-то считается, что разбойники, в отличие от прочих воров и грабителей, бывают благородными. И правда – никто ведь не назовет «благородным» карманника, медвежатника или форточника. А вот «благородных разбойников» в литературе, кинематографе и учебниках истории хоть отбавляй – от Робина Гуда до Дубровского и от Стеньки Разина до Котовского.

Что же делает их столь привлекательными для писателей и режиссеров (и, коль скоро эти книги читают, для читателей и зрителей)?

Во-первых, среди разбойников (и реальных, и вымышленных) часто встречаются люди благородного происхождения (возможно, потому, что стрелять из лука или палить из ружья им привычнее, чем взламывать замки).

Во-вторых, грабят и убивают они, часто прикрываясь высокой целью или идеей. Как правило, это идея борьбы за что-то (справедливость, благо народа и т. д.) или, чаще,

против кого-то (шериф Ноттингемский, «контра» в красной России и т. д.).

А в-третьих, конечно, отрицательное обаяние...

Чем выше идея, тем труднее увидеть, что она – только прикрытие, и что делают разбойники в сущности то же самое, что и другие воры – отбирают чужое имущество, только еще и кровь при этом проливают. И стоит за их «подвигами» самое банальное воровство, причем совершаемое «с особой жестокостью».

Никто не назовет «благородным» карманника, медвежатника или форточника, но ведь и «лютым» тоже не назовет.

Так что благородный разбойник – объект несуществующий.

Кто вы, мистер Гуд?

Робин Гуд (Robin Hood) – легендарный английский «благородный разбойник», грабивший богатых и раздававший награбленное бедным. Персонаж многочисленных народных и авторских произведений. Считается, что ему помогли умереть, оставив истекать кровью. Реальный прототип не установлен, но по одной из версий некий Роберт Гуд родился в 1280 году в Йоркшире.

Образ благородного защитника бедных из Шервудского леса несколько меркнет из-за надругательств над трупами шерифа Ноттингемского и Гая Гисборна.

Семь веков назад юный благородный разбойник виртуозно владел луком и наводил страх на богачей в Шервудском лесу. Однако при ближайшем рассмотрении добрый молодец превращается в солидного мужчину, который без всякого лука, а, наоборот, чисто политическими методами боролся за свое кровное имущество.

Робин с луком

Первое письменное свидетельство о Робине Гуде датируется 1377 годом. Это литературная запись народной баллады о благородном лесном разбойнике. В 1510 году приклю-

чения Робина Гуда были растиражированы печатным способом в виде памфлета «A Lytell Geste of Robyn Hood» («Маленький подвиг Робина Гуда»). Подвиг заключался в том, что Робин Гуд встретил в лесу короля, сделал вид, что не догадывается, с кем имеет дело, и в итоге получил приглашение на королевскую службу. С тех пор не перестают появляться все новые версии маленьких и больших подвигов вольного стрелка.

Каждый новый переписчик легенды о Робине Гуде, а с некоторых пор каждый новый кинорежиссер вносил в свою версию о Робине Гуде собственное видение героя. В итоге в мировой культуре выкристаллизовался канонический образ Юрия Деточкина из Шервудского леса с хрестоматийным набором подвигов, полный комплект которых описан в любой детской книжке про Робина Гуда. Но даже в такой, казалось бы, безнадежной ситуации историки-медиевисты не прекращают попыток очистить прообраз народного героя от более поздних напластований и предъявить миру истинного Робина Гуда.

Описывать последние достижения робингудоведения не имеет смысла. Желаящий может познакомиться с ними, набрав на любой поисковой машине в Интернете по-русски или по-английски слова «Робин Гуд» – компьютер выкатит тысячи ссылок на любой вкус. Но две вещи несомненны. Первое: по мере переписывания легенд каждый автор помещает Робина Гуда все глубже в историю Англии по сравнению с

тем временем, когда жил его прототип (рекорд побил Вальтер Скотт, сделавший Робина Гуда современником короля Ричарда Львиное Сердце). А заодно с течением веков лесной разбойник неуклонно повышает свой социальный статус – от йомена (мелкого землевладельца-крестьянина) до сэра Робина из Локсли и даже графа Хантингтонского. И второе: в какой бы исторический отрезок ни переносили беллетристы и ученые Робина Гуда, всякий раз он действует в периоды конфликтов центральной королевской власти с региональными лидерами из-за ограничения прав местного самоуправления. Отсюда вытекает, что если бы Робина Гуда не было, то его следовало бы придумать. И тем не менее литературный персонаж имеет прообраз – это реальный человек, которого звали Роберт Гуд.

Гуд без лука

Он родился в 1280 году в своем имении в Уэйкфилде (Йоркшир), был женат на местной женщине Матильде, служил добровольцем в королевской армии во время очередной войны с шотландцами, участвовал в путче герцога Ланкастерского против короля Эдуарда II. После поражения лорда Ланкастера в 1322 году Роберт Гуд перешел на нелегальное положение и возглавил партизанский отряд в Шервудском лесу, постоянно конфликтовал с полномочным представителем короля в ноттингемском федеральном округе, ноттин-

гемским шерифом, и упорно грабил духовенство.

Время от времени то сам Роберт Гуд попадал в плен к ноттингемскому шерифу, то, наоборот, шериф оказывался в плену у него. Но почему-то эти заклятые враги всегда расходились мирно. Судя по всему, они, выражаясь современным языком, садились за стол переговоров и разграничивали полномочия центральной и местной властей. И наконец, после переговоров с самим королем, который специально прибыл из Лондона на контролируемую Робертом Гудом территорию Йоркшира, непокорный вассал распустил силы местной самообороны в обмен на государственный пост в Лондоне (это и был тот самый «маленький подвиг» Робина Гуда, о котором была сложена первая легенда). Он был назначен на высокую по тем временам должность одного из постельничих короля Эдуарда II, то есть имел прямой доступ к монарху и был кем-то вроде замглавы королевской администрации. Но через полтора года Роберт Гуд покинул королевский дворец и вернулся в Шервудский лес.

В последние годы жизни он сумел разгромить несколько карательных экспедиций, в том числе отряд под предводительством норманнского рыцаря Гая Гисборна. Убил-таки ноттингемского шерифа и выставил его голову на колу. Пытался перебраться из Англии на материк, но штормом был выброшен обратно на английский берег. Выдержал осаду в замке, любезно предоставленном ему для укрытия одним из йоркширских баронов. Однако силы были неравными. По-

сле ряда военных неудач Роберт Гуд заболел и был предательски умерщвлен в женском монастыре в Кирклессе – аббатиса в лечебных целях пустила больному кровь, но почему-то забыла ее остановить. Похоронили Роберта Гуда у стен аббатства. В XIX веке надгробный камень с его могилы якобы пошел на щебенку для строящейся здесь железной дороги.

Голубой мазохист

Такова канва жизненного пути настоящего Робина Гуда, восстановленная по крупицам учеными в результате анализа литературных текстов и благодаря архивным находкам. Но все это мало что добавляет к образу благородного защитника бедных из Шервудского леса. Разве что он несколько меркнет из-за надругательств над трупами ноттингемского шерифа и Гая Гисборна (норманну он тоже отрезал голову и насадил ее на кол). Хотя о нравах тех времен судить трудно – возможно, это как раз нравилось окружающим, ибо они заведомо не испытывали теплых чувств ни к полицейской королевской власти, ни к новой норманнской знати, которая за полтора века после завоевания Англии не успела ассимилироваться в среде старого саксонского нобилитета. Вряд ли можно найти вразумительное объяснение мотивов столь упорного и подчас нелогичного сопротивления королевской власти человека, у которого неоднократно были возможности само-

му стать этой властью. Таким образом, остается все та же версия о врожденной интеллигентской совестливости Робина Гуда и его чисто народническом мазохистском стремлении пострадать за дело избавления от эксплуатации трудового английского крестьянства. Другая версия, появившаяся совсем недавно, – о нетрадиционной сексуальной ориентации Робина Гуда, предпочитавшего жить в мужской компании в лесу подальше от полицейского преследования и морального осуждения церковью, – пожалуй, слишком экстравагантна.

Конец феодальной демократии

Выйти из этого тупика и ответить на вопрос: «Кто вы, мистер Гуд?» – наверное, можно по-разному, например попробовав поставить себя на место йомена Робина Гуда, обычно провинциального англичанина среднего достатка начала XIV века.

Еще в конце XI века королевская власть в Англии стала почти абсолютной. Норманны сильно укрепили вертикаль власти, сделав ставку на своих представителей в графствах – шерифов. Шерифа избирали из среды мелкого дворянства, он отвечал за свою деятельность личным имуществом. Король наделял своего представителя обширными полномочиями. Шериф созывал совет графства и председательствовал на нем, при формальном участии присяжных вершил суд, за-

ведовал королевскими имениями, был главным сборщиком дани в пользу короны и командовал войском. Иногда шерифов облакали экстраординарными полномочиями. Так, в 1130 году Ричард Бассе и Обри де Вэр исполняли функции шерифов сразу в 11 графствах, оставаясь в то же время членами многочисленных административных советов.

От произвола шерифов страдали не только лорды, но и мелкие собственники – йомены. Все леса, перелески, реки, служившие в то время основой местной экономики, были собственностью короля. Попадешься королевскому лесничему – и в лучшем случае отрежут пальцы и выколют глаза. Чаше вешали.

Революция по закону

Первую хартию вольностей подписал король Генрих I в 1100 году. В 1215 году английские бароны вынудили короля Иоанна, получившего прозвище Безземельный, в пределах их владений гарантировать им еще большую свободу. Иоанн подписал так называемую Великую хартию вольностей. Хартия содержала 64 пункта. Ее можно назвать даже более демократичной, чем нынешние законодательства стран ЕС. Собственность свободного человека в размере, необходимом для сохранения социального положения, товар купца и имущество крестьянина объявлялись неприкосновенными при взыскании штрафов.

В случае нарушения хартии королем бароны получали право прибегнуть к насилию против него, исключая убийство его и членов его семьи.

Однако почти сразу король стал нарушать данные обещания. Местная знать сопротивлялась как могла. В 1266 году бароны восстали против короля Генриха III, вынуждая того считаться со своими правами. Борьба центра и регионов шла с переменным успехом до конца XIII века, но в целом баронам удавалось ограничивать королевскую власть на местах. В царствование Эдуарда I свобода английского народа достигает уровня, не виданного потом никогда. В 1297 году, во время похода короля во Фландрию, бароны и торговцы согласились продолжать субсидировать войну только при условии, что король подтвердит Великую хартию вольностей и даже включит в нее новые статьи, запрещающие собирать налоги без общего согласия всех свободных англичан, а не только графов, баронов и духовенства.

Диссидент

Когда это случилось, Робину Гуду было всего 17 лет. А дальше на его глазах начал развиваться обратный процесс. Медленно, но неотступно король Эдуард II ограничивал права и вольности граждан, подтвержденные его отцом. Страна постепенно милитаризировалась, для чего требовалась сильная центральная власть. Местный бизнес долго пытался бо-

роться с беспределом королевских шерифов и ростом налогов. По всей стране происходили волнения наподобие ухода в лес солидного йоркширского йомена Робина Гуда. Набрался не один десяток диссидентов, которые, подобно их советским коллегам из нашего недавнего прошлого, требовали от власти выполнения собственной конституции. Они защищали интересы большей части населения тогдашней Англии, борясь за каждый пункт хартии вольностей, дарованной королями свободным английским гражданам и добрым католикам.

Но в народной памяти в качестве романтического защитника всех угнетенных остался только Робин Гуд. И это несмотря на то, что в пору своей правозащитной деятельности он был уже вовсе не юным красавцем, а мужчиной в летах, который отстаивал собственное пошатнувшееся благосостояние. Ну а заодно и интересы угнетенного трудового крестьянства.

Дикий, дикий Юг

Уильям Кларк Квонтрилл (William Clarke Quantrill, 1837–1865) – предводитель партизанского отряда – банды грабителей и бандитов, действовавшей во времена Гражданской войны в США. Убит выстрелом в спину.

Казнили практически все мужское население города. Не щадили даже мальчишек-подростков. Квонтрилл разъезжал среди гор трупов на лошади и добивал тех, кто еще подавал признаки жизни.

Почти семьдесят лет назад, 15 декабря 1939 года, в Атланте, штат Джорджия, состоялась премьера «Унесенных ветром». Южный миф, который пришел к нам вместе с «Унесенными ветром», а затем и с книгой (мы знакомимся с этими произведениями в обратном порядке), – это ностальгическая история довоенного Юга, где рабы были рады быть рабами и в сорокаградусную жару с радостными песнями шли в поля убирать хлопок, а проработав до заката, с еще более радостными песнями возвращались в свои хижины, благодарные судьбе за то, что она дала им такую счастливую жизнь.

Этот миф охватывает не только предвоенный период, но и всю Гражданскую войну, которая в «Унесенных ветром» была показана тоже не совсем точно: выходило, что армия южан состояла сплошь из джентльменов, а армия северян –

из грабителей, убийц и насильников. На самом деле все было совсем не так.

Война с гражданскими

Пронзительный крик, с которым южане бросались в атаку, прозвучал в городке Лоуренс 21 августа 1863 года странно и неуместно. Гражданская война шла уже два года, но этого канзасского захолустья она почти не коснулась. Правда, здесь жил сенатор Джеймс Лэйн, ярый противник южных рабовладельческих штатов, который к тому времени уже успел повоевать за дело аболиционизма. Но он держался особняком, и никто из местных тихих фермеров не интересовался ни им, ни президентом Линкольном, ни самой войной.

Крик и топот копыт приближались. Люди в недоумении останавливались посреди улицы. Только сенатор Лэйн не нуждался в разъяснениях. Он выбежал из дома и рванул в сторону кукурузного поля. Лэйн бежал, пока не свалился, выбившись из сил. Он так и пролежал последующие несколько часов, один среди зеленых стеблей и желтых налившихся початков кукурузы.

Через несколько минут улицы заполнили сотни всадников. Впереди скакал хрупкий молодой человек с удивительно благообразной внешностью. Недалеко от него держался длинноволосый красивый мужчина, сидевший на своей буйной лошади так, словно составлял с ней единое целое. Жи-

тели Лоуренса растерянно смотрели на неожиданных гостей, и каждый думал, не снится ли ему это. Очень скоро они убедились, что, к сожалению, это был не сон. К ним пожаловал сам Уильям Кларк Квонтрилл, а с ним и Кровавый Билл Андерсон, приковавший к себе внимание всех оказавшихся на площади женщин. Квонтрилл и Андерсон привели в город отряд из четырехсот пятидесяти самых страшных головорезов. Только в армии южан существовали нерегулярные отряды так называемых партизан, состоявшие почти сплошь из негодяев, многие из которых вошли в число основателей преступного мира Дикого Запада. Среди них первое место, безусловно, принадлежит Уильяму Квонтриллу.

Учитель-убийца

Уильям Кларк Квонтрилл родился в 1837 году в штате Огайо, где получил приличное образование и мог безбедно прожить до старости. Однако эта жизнь была не по нему. В 20 лет он перебрался в штат Юта, где занялся конокрадством. Преступление это каралось тогда смертной казнью, так что Квонтрилл был человеком отчаянным. Через два года он перебрался в Канзас, где занялся новым бизнесом.

Квонтрилл совершил несколько рейдов на плантации, откуда похищал рабов и скот, а потом продавал их. Это не мешало ему объявить себя защитником рабов. Когда через год за Квонтриллом начали настоящую охоту, он лег на дно и по-

ступил учителем в сельскую школу, где толковал детям Священное Писание.

Однако долго на месте ему не сиделось. В декабре 1860 года Квонтрилл подбил пятерых молодых квакеров, ярых противников рабства, на то, чтобы угнать рабов у одного плантатора. Затем он сообщил рабовладельцам о предстоящем рейде, после чего сам же его возглавил и привел квакеров в засаду. Трое из них были убиты, а когда его самого окружили, Квонтрилл поведал доверчивым слушателям, что он южанин, переехавший в Калифорнию, где квакеры убили его брата, а его бросили умирать на дороге. Он рассказал, что выследил своих врагов и, оставшись неузнанным, уговорил принять участие в опасном деле. Ему не просто поверили – он стал народным героем среди рабовладельцев.

Когда через несколько месяцев разразилась Гражданская война, у Квонтрилла не возникло проблем с набором добровольцев в свой партизанский отряд. Среди них оказались такие симпатичные личности, как будущие массовые убийцы Уильям Андерсон по кличке Кровавый Билл, Джордж Тодд, Флетчер Тейлор, братья Фаррингтон, будущие великие грабители Коулмэн Янгер, Фрэнк Джеймс, а в 1864 году к нему присоединился и его брат – впоследствии легендарный Джесси Джеймс. Любопытно, что все они (кроме, может быть, Кровавого Билла Андерсона) безоговорочно признавали авторитет тощего, тонкошеего Квонтрилла с его внешностью бывшего отличника.

Почти всю войну Квонтрилл, Андерсон и их люди терроризировали приграничные города северян. Историки-южане всегда упирают на то, что официально они не состояли в армии южан, замалчивая тот факт, что в 1864 году, когда кто-то из офицеров регулярной армии усомнился в полномочиях Квонтрилла, тот подтвердил их бумагой, на которой стояла подпись самого президента Конфедерации Южных Штатов Джефферсона Дэвиса.

Однако «славное дело», как называли конфедераты свою борьбу за право обращаться с другими людьми как со скотом, интересовало Квонтрилла мало. Он был сухопутным флибустьером, которому война дала возможность безнаказанно грабить. Его целью была не армия северян, а тихие города в их тылу. Начал он с городка Олат в штате Канзас, который ограбил и сжег дотла. Банда Квонтрилла увеличилась до четырехсот пятидесяти человек, и тогда он совершил свой самый кровавый рейд.

Славное дело

Целью Квонтрилла был город Лоуренс. Поводом послужило то, что там проживал враг рабовладельцев сенатор Джеймс Лэйн. Городок находился глубоко в штате Канзас, и Квонтриллу пришлось нанимать местных жителей, которые помогали ему обходить воинские части северян. Проводников он убивал, как только переставал нуждаться в их услугах.

21 августа он добрался до города. Никакого гарнизона там не было, и сопротивление оказывать было некому.

Люди Квонтрилла поискали Лейна, но не нашли, и тогда занялись другими жителями городка. Они схватили около 150 мужчин и подростков, абсолютное большинство которых были безоружны, связали им руки за спиной и приволокли на площадь. Затем самые ретивые герои во главе с Кровавым Биллом Андерсоном притащили туда же их жен, матерей и дочерей. Город огласился стоном, который был слышен далеко за его пределами. Был он слышен и в кукурузном поле, где прятался сенатор Лэйн.

Андерсон свирепствовал не случайно. Только что он потерял сестру при самых трагических обстоятельствах. Подонков хватало и среди северян – в этой части южный миф не грешит против истины. Армия федералистов наступала после двух лет поражений, за которые жаждала отомстить. Генерал Юинг не видел ничего зазорного в том, чтобы взять в плен десятки женщин, чьи родственники воевали в армии конфедератов, привезти их в Канзас-Сити и поместить на третий этаж разваливающегося здания. Их было так много, что они не могли даже сесть. Неожиданно раздался скрип, а затем оглушительный грохот. Рухнул пол, а с ним попадали вниз и женщины. Многие из них разбились насмерть. Среди них была Матильда Андерсон.

Теперь Кровавый Билл сгонял женщин, старух и даже девочек на площадь. Затем начались казни, которые продолжа-

лись два часа. Казнили практически все мужское население. Не щадили даже мальчишек-подростков. Квонтрилл разъезжал среди гор трупов на лошади и добивал тех, кто еще подавал признаки жизни. Женщины рыдали и бились в истерику. Тихая площадь Лоуренса, которая еще несколько часов назад ничем не отличалась от площадей других захолустных городков, стала прообразом лагерей смерти будущего.

Квонтрилл приказал своим людям разграбить и сжечь весь город, кроме нескольких салунов, где герои крепко напились. Вскоре до них дошли слухи, что в город направились войска северян. Связываться с солдатами у них не было никакого желания, и они спешно удрали, бросив одного человека, который был слишком пьян, чтобы сесть на лошадь. Уцелевшие местные жители линчевали его, как только отряд Квонтрилла скрылся из виду.

Несчастливый конец

В 1864 году исход войны уже был ясен. Банда Квонтрилла таяла. Кто-то дезертировал, кто-то погиб. Кровавый Билл Андерсон ушел из отряда в начале осени. За ним последовали еще тридцать самых жестоких убийц. Квонтрилл и Андерсон разошлись не случайно. Уильям Кларк хотел выжить, а Кровавому Биллу своя жизнь была так же безразлична, как и чужие. Возможно, он даже искал смерти. Этот мрачный фанатик, который одновременно носил на себе восемь ре-

вольверов, саблю и топор, не видел себе места в послевоенной Америке. Но сначала он хотел вдоволь отомстить за проигранное «славное дело».

26 сентября отряд Андерсона захватил железнодорожную станцию Централья. Вскоре подошел поезд, в котором оказались 25 солдат. Их быстро обезоружили и вывели из поезда. Андерсон раздел их до белья, а затем спросил: «Есть среди вас офицеры?». Один из них вышел вперед, не зная еще, что за этим последует, хотя был только сержантом. «Арч, – обратился Кровавый Билл к крошечному человечку, – уволька остальных в запас». Арч Клемент, доверенный палач Андерсона, сияя, как ребенок, получивший вожделенное мороженое, расстрелял всех. Чуть в стороне стоял и смотрел на это самый молодой член банды Кровавого Билла, семнадцатилетний парень, который через несколько лет станет самым знаменитым человеком своего времени.

Его звали Джесси Джеймс. В течение семнадцати лет после войны он будет грабить банки, поезда, дилижансы и убивать. Он прославится пижонскими выходками, страстью к красивым лошадям и хорошей одежде. Джесси Джеймс создаст образ неотразимого преступника, который через много лет возьмет на вооружение Голливуд. Побежденный Юг объявит его своим героем. Вскоре к нему присоединится и Север, и он станет героем всей Америки. Большинству и в голову не приходило, что он всю жизнь лишь повторял Кровавого Билла Андерсона, его жесты, слова и поступки. Его

холодную «сатанинскую» улыбку в бороду, его юмор палача, его страсть к лошадям, оружию и красивой одежде. Уже в 1864 году, позируя для фотографа, Джеймс почти точно скопировал манеру держаться Андерсона. К счастью для своих жертв, он был лишь его бледной копией.

Едва отряд покинул станцию, как северяне бросились за ними в погоню. Когда Андерсон понял, что от преследования не уйти, он велел своим людям развернуть лошадей, и они поскакали на своих преследователей, на ходу зажимая в зубах поводья и доставая револьверы. Они въехали в самую гущу и открыли огонь. Через полминуты с отрядом северян было покончено. Кто не был убит, делал вид, что мертв.

Маневр Андерсона продлил ему жизнь всего на месяц. Уже в октябре во время одного из рейдов по штату Миссури он буквально напоролся на отряд северян. Его командир Кокс тут же бросил своих людей в атаку, которую сам и возглавил, и лично застрелил Андерсона. Знаменитый наездник, наверное, впервые с детских лет упал с лошади – мертвым.

Тонкошей учитель умирать не собирался. Квонтрилл хотел убраться подальше от Канзаса и Миссури, где его знала каждая собака. Он решил уйти в соседний штат Кентукки. Квонтрилл собирался выдать свой отряд за остатки разбитой регулярной части южан и добровольно сдаться. К солдатам армии конфедератов, в отличие от партизан, относились достаточно лояльно и обычно амнистировали.

Продвигаться было тяжело. Кругом были войска северян. Квонтрилл все-таки добрался до Кентукки, но молва о нем дошла и до этих мест. Отряд во главе с капитаном Эдвардом Терриллом перехватил в мае 1865 года поредевшую группу бывшего учителя. Бандиты бросились врассыпную. Геройскую гибель Кровавого Билла Квонтрилл не повторил. Он получил пулю в спину.

Едва закончилась война, как у Квонтрилла появилось множество последователей среди южан. Все бандиты – выходцы из южных штатов – объявили себя мстителями за проигранное «славное дело». Ненависть к северянам-янки была такова, что одной такой декларации было достаточно, чтобы любой подонок мог рассчитывать на полную поддержку. То, что защитники «дела» далеко не всегда отличали северян от южан и грабили всех без разбора, проходило как-то незамеченным. Потерпевшие поражение люди нуждались в героях-победителях и, если они не находились, создавали их из тех, кто был под рукой.

Герой Гражданской

Джесси Джеймс (Jesse Woodson James, 1847–1882) – член банды Кровавого Билла Андерсона, занимавшейся грабежами и убийствами во времена Гражданской войны в США. Застрелен из револьвера подельником Робертом Фордом.

– Где все? – спросил Фрэнк.

– В церкви, – ответил клерк.

– Тем лучше, – обрадовался Джесси и достал револьвер.

Уильям Андерсон по прозвищу Кровавый Билл и его люди не входили в регулярные части южан. Они были партизанами и в ходе войны Севера и Юга действовали самостоятельно. Однажды, уходя от погони, Кровавый Билл приказал своим людям развернуться лицом к преследователям и открыть огонь. Через полминуты все было кончено. Партизаны Андерсона вышли из схватки победителями. Особенно отличился только что вступивший в отряд семнадцатилетний сорвиголова из Миссури, который убил выстрелами с обеих рук сразу нескольких человек. Звали его Джесси Джеймс.

Партизан

Столкновение партизанского отряда Кровавого Билла с северянами произошло в 1864 году, незадолго до того, как

южане потерпели окончательное поражение. Когда война кончилась, Джесси со своим братом Фрэнком и еще несколькими бывшими партизанами под белым флагом отправился на Север. Их простили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.